

ЮБИЛЕЙ «ПРИХВАТИЗАЦИИ»

Ровно двадцать лет назад в России бурно пошёл процесс, который большинство россиян справедливо наделял и наделяет самыми нелестными эпитетами. Совершенно верно: переход от командно-распределительной экономики проводился лихорадочно, суетливо и на редкость бесполово. Вот только примитивные и бездарные реляции, вроде «выполнения рецептов из Вашингтона» или «вредительства демократов и либералов», не только смешотворны, но и мешают выявлению причин проведения

аппарата с капиталом) набирали обороты. Но с обрушением власти в результате авантюры с августовским путчем произошло обрушение и рычагов управления этим процессом, и связей внутри союзной системы. Условия создания госкапитализма осложнились. Прежде всего, по причине борьбы между влиятельными политическими группировками.

Долой «проклятое прошлое!»

Крах ГКЧП резко поменял политическую картину в России.

по душе. Схватка с верхушкой КПСС привела его в стан решительных рыночников, хотя старый партийный хвост продолжал за ним тащиться, что было видно по стилю руководства. Выбить из рук старой номенклатуры ресурсы и, стало быть, власть – это было им одобрено. Обстановка была на сей счёт благоприятной. Популяция «красных директоров», привыкшая к системе гарантированных государственных заказов и сбыта продукции, к распределению ресурсов через Госплан, Госснаб и Минфин,

были первые шаги приватизации.

И нельзя сказать, что масштабы приватизации до 1992 года были мизерные. Ресторанами и парикмахерскими салонами она не ограничилась. Вспомним знаменитый кооператив АНТ во главе с Артёмом Тарасовым, который воровал миллионы. Его взлёт привёл в ярость коммунистов-ортодоксов. Кооператив подвергся разгрому – не выживаясь! (Потом это повторят против компании «Юкос»). Хотя он действовал строго в действующем правовом поле, а Тарасов даже платил со своих фантастических по тогдашним меркам доходов партвзносы.

Не было никакой внятной политики в области приватизации. Законодательство безнадёжно отставало от реалий, от бурно развивающихся процессов. Политбюро просто растерялось под ворохом нарастающих проблем, всё меньше справляясь со стихией. В правительстве тоже не знали, кому и как руководить процессом приватизации. Будущий член ГКЧП Павлов вообще ко всему новому относился подозрительно. И мешать не смел, и порядок наводить не торопился. Поэтому приватизация приняла практически стихийный характер. В каждой области руководство действовало на свой страх и риск.

Съезд Народных Депутатов РСФСР и Ельцин попытались подвести под приватизацию свою правовую базу, помимо союзной. Первым шагом стал закон «О предприятиях и предпринимательской деятельности», принятый накануне 1991 года. Затем после бурных дискуссий Съезд 3 июля 1991 года (обратите внимание – накануне путча!) принял Закон РФ «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ» (в него через год внесли изменения). Если учесть, что порядка 70% депутатов российского парламента были выдвигенцами от КПСС, часть из которых потом перешла в КПРФ, то отмежеваться коммунистам от причастности к «прихватизации» не удалось. Ибо за приватизацию проголосовало квалифицированное большинство.

приватизации столь непотребным образом. В Вашингтоне, как раз, или вообще на Западе, понятия не имели, как грамотно проводить приватизацию гигантского государственного имущества. Не было такого опыта ни у кого. В России, кстати, тоже. А перспектива краха России с её распадом и появлением ряда непредсказуемых государств с ядерным оружием ввергла Запад просто в панический ужас. Поэтому Запад ограничился, в основном, наблюдением и частными рекомендациями по деталям, поскольку даже опыт Маргарет Тэтчер по приватизации британской промышленности по масштабам и сложности совершенно не подходил для России. Всё у нас выродилось в цепь экспериментов, один авантюрой другого.

Генеральная репетиция

Если вы, уважаемые читатели, думаете, что прихватизация началась с Гайдара и Чубайса, то глубоко ошибаетесь. Ещё в 1990 году, когда замаячила близкая перспектива коллапса плано-распределительной экономики, ряд сметливых отраслевых министров уже задумались, как не только избежать неприятностей, но даже погреть на этом руки. В министерствах и ведомствах отнюдь не все руководители были задубелыми сторонниками советской экономики, чья неэффективность стала совершенно очевидной. Пока на митингах народ критиковал «партократию», опытные ведомственные зубры решили взять реванш и подвинуть территориальную номенклатуру, долгое время главенствовавшую в СССР (рескомы, крайкомы и обкомы). В период нарастания дефицита всего и вся козыри переходили в руки обладателей ресурсов.

С началом временного расцвета кооперативного движения в СССР уже переставала восприниматься как ересь и крамола идея преобразования союзных и республиканских министерств и ведомств в государственно-частные конгломераты – концерны, финансово-промышленные группы и пр. Этим ведомственная номенклатура начала заниматься, надеясь овладеть ресурсами и стать полными хозяевами в стране. Отличная иллюстрация реализации этой идеи – пример «Газпрома».

Это явление со становлением в России классического госкапитализма (сращивания чиновного

Всесильная партноменклатура либо была вытеснена из властных структур, либо, что помельче, спешно поменяла окраску и затаялась. На авансцену вышла другая популяция – либеральных радикалов, лозунгом которой фактически был «сделаем возврат к прошлому невозможным!» Алгоритмов гладкого перехода к капитализму у радикальных рыночников не было. Обвал управления, когда власть на местах порой просто самоустранялась от принятия решений (иногда по принципу «чем хуже, тем лучше»), обстановка общего идейного разброда, привели ситуацию к настоящей чрезвычайности, когда в арсенале оставались только шоковые методы. И то их применяли самым ретивым образом, без поисков щадящих вариантов.

Передача управления в руки либеральных радикалов привела к сильнейшему противостоянию, сначала робкому, потом всё более мощному – радикального рыночного крыла со старой ведомственной номенклатурой. Потерпев поражение, она отнюдь не сложила оружие. Тем более, что немало прежних управленцев осталось на своих местах: заменить-то нечем было! Эта популяция «красных директоров» и дала бой «мальчишкам в розовых штанишках», как окрестил радикалов-рыночников председатель Верховного Совета РСФСР, сторонник старой номенклатуры Руслан Хасбулатов. Институт народного хозяйства им. Плеханова (именуемая в народе «пleshка»), где в руководстве состоял Хасбулатов, была кузницей кадров для «красного» директорского корпуса.

Президент Ельцин никак не мог прийти к какому-либо разумному решению. Его окружали, с одной стороны, противники советского тоталитарного режима, с другой – замшелые партаппаратчики, вроде Лобова и Петрова из родимого ему Свердловского обкома КПСС. Ельцин счёл за благо в такой обстановке строить импровизационную политику «сдержек и противовесов» со знаменитыми «загогулинами» и «рокировочками». Такой раздрай, естественно, ни к чему хорошему привести не мог. Но идея оперативной смены единственного собственника национального богатства – государства, сращенного с давних времён с партийным руководством, распорядившегося им в свою пользу, пришлась ему

предельно тяжело, они и давали сбои, и вообще обрывались. Социальная обстановка на предприятиях резко обострилась. Это давало козыри считать советский директорский корпус непригодным, государственное управление основной массой предприятий – устаревшим и неэффективным. Разумной альтернативой сочли приватизацию, когда частник, на свой страх и риск, выходит на рынок и действует на нём по установленным правилам.

В теории это всё, конечно, хорошо. Но стародавняя российская традиция – всё управленцами на местах «творчески переосмыслить», заменяя законы «понятиями» к собственной вящей пользе, показала, как далеко разошлись теория и практика. В этом все убедилось довольно скоро.

Шаги наощуп

Примериваться к приватизации начали ещё в 1988 году. Когда ещё никто не знал ни про Егора Гайдара, ни про Чубайса. Законодательство было советское. Сочинять что-то про частную собственность в ту пору было верхом смелости. Но ведь перестройка! Начали создавать закон о государственном предприятии, где допускался выкуп частным лицом каких-либо активов, если они были предприятию в обузу. И придумали формулировку, вокруг которой в ЦК шла битва догматиков с новаторами, как на рыцарском ристалище – «трудо-вая частная собственность». Это открыло дорогу не только кооперативам различного размера и направления. Вскоре появилось словосочетание «совместное предприятие» (СП). Разрешили государственными предприятиям выделять подразделения с собственностью, которая передавалась в пользование новому предприятию, образованному госпредприятием и кооперативом. Затем их собственником становилось это СП (скоро они будут плодиться – российско-зарубежные). Или просто активы, которые висели на балансе предприятия, уступались по сходной цене кооперативам. Допускалась и приватизация предприятий, которые из-за нерентабельности могли признаваться банкротами, что тогда тоже было совершенно в диковинку. Таковы

Просто разные партийные фракции преследовали свои интересы от неё. Как поётся в старой песне КВН, «...Кому-то повезёт, а кому-то нет», что и произошло.

Хотели, как лучше...

Для обеспечения необратимости возврата к старой экономической модели Ельцин издал указ об ускорении процесса приватизации. В условиях явной законодательной недостаточности указы были скорее политическими актами, чем правовыми. Этот указ был издан ровно 20 лет назад. Затем была разработана программа приватизации. Это уже – детище правительства во главе с Гайдаром. Планы были наполеоновские: тут и конкуренция, и привлечение иностранных инвестиций, и борьба с инфляцией и др. На самом деле, это были мечты о цивилизованном рынке, не менее утопические, чем «сияющие вершины коммунизма». Ведь кому отводилась задача

формировать цивилизованный рынок? Директору, ещё вчера обременённому заботой о выполнении плана по валу, да чиновнику, нажившему мозоли на заднице ещё в советском кресле. Поэтому конкуренция тут же выродилась в сговоры и появление монополистов, иностранные инвестиции пришли чисто спекулятивные, а вместо благородного купечества а ля Мамонтов или Морозов вылезла орда распальцовывающих «новых русских» с цепями на шеях и «гайками» на перстах.

Представьте: малые предприятия (МП) приобретались на торгах. Кто там мог оказаться? Только тот, кто сумел сколотить капитал в кооперации. Или кому под чьё-то авторитетное поручительство открывали кредитную линию. То есть, имеющему «доступ к телу» влиятельного политика.

Теперь возьмём предприятия крупнее. Они должны были акционироваться. А кто мог войти в правление АО? Конечно, не колхозник Иван Кузьмич, техник Вася или прядильщица Дуся. Так что скоренько сформировался класс богатых мажоритарных акционеров – из «своих» людей.

Самый большой пиар получила ваучерная приватизация. Дело подавалось как великий дар народу, потерявшему сбережения от галопирующей инфляции и вульгарного грабежа со стороны советского государства, успевшего пустить вклады жителей на затыкание бюджетных дыр. Напомним, что первый отпуск цен случился ещё при премьере Павлове. Гайдаровский отпуск был второй серией, когда народ ещё от первой не оправился. И ваучер преподносили как достойную компенсацию: гражданин, де, становится акционером чего-то там. Чего? А это за него решат. Но дело, мол, стоящее: промышленность вот-вот вовсю заработает, прибыли косяком пойдут, а за ними – дивиденды акционерам. А не хочешь быть акционером – продашь ваучер, две «волги» купить можно. Так излагал отец ваучеризации Чубайс. Его же после краха проекта (видать, умело организованного) сделали «стрелочником» («Во всём виноват Чубайс» - Ельцин), хотя поделников у него было немало.

Помню одно из своих посещений Белого дома. Там приходилось бить челом насчёт гуманитарной помощи нашему городу. В числе тех, кто принимал решение о потоках и объёмах помощи, был депутат Юрий Черниченко, известный публицист. При нашей беседе оказался третий, который был помощником другого депутата, кажется, Шахрая. Ему я высказал мысль, что можно бы многим компаниям с гарантированным сбытом продукции провести эмиссию и расчитать с вкладчиками реальными акциями, а не ваучерами.

Собеседник на меня посмотрел, как на великого еретика, и беседу продолжать не возжелал. Стало ясно, что «на чужой каравай (уже чужой!) рот не разевай»: культура распределять давно у нас отлажена, и все лакомые куски давно распределены. Имена счастливых случаев и приватизационных чеков была провалена. А обезличенные ваучеры были мастерски сбиты в цене и затем скуплены пройдохами – директорами, бизнесменами и чиновниками, располагавшими важной и недоступной другим информацией.

Ваучерная приватизация, залоговые аукционы – это целая история. Но решающий толчок её ходу был дан 20 лет назад.

В. Венёвский

На снимках: 1) так выглядел приватизационный чек (ваучер); 2) нередкое явление, припиленное к одежде.

Идея создания городского общественного объединения родителей и других родственников детей, воспитывающихся и обучающихся в муниципальных учреждениях образования Красноармейска (общегородского родительского комитета), стала вызывать интерес. С инициативной группой, зарегистрированной 17 февраля, связались новые лица, получили информацию о целях и задачах будущего объединения.

К ИДЕЕ ПРОЯВЛЕН ИНТЕРЕС

учредительной городской конференции. Инициативная группа приглашает всех, кому идея городского, независимого родительского комитета небезразлична, воспользоваться контактным телефоном 8-903-729-32-68.

Инициативная группа

ПОПРАВКА

В предыдущем номере, в статье «Всё может решить референдум» ошибочно приведена фамилия «Андреев», тогда как следовало писать «Алексеев». Редакция приносит Игорю Георгиевичу свои извинения.

Всё, видимо, идёт к тому, что скоро будет образован оргкомитет по проведению